

Век. Клуб. - 1996. - Янв. - с. 7.



Ирина МАШКОВСКАЯ:

Все началось с «романа в письмах»

Наш сегодняшний собеседник — вдова поэта Юрия Левитанского. Он умер минувшей зимой, и еще свежи в памяти его совсем недавние высказывания о жизни, о стране, о поэзии.

— Пожалуйста, расскажите историю вашего знакомства с будущим мужем. Ведь между вами была солидная разница в возрасте?

— Сорок четыре года. И недавно мы отмечали десятилетие совместной жизни. А познакомились достаточно банально — на Рижском взморье. Там жила моя мама, и я приехала к ней в августе, на каникулы. Я тогда училась в университете, изучала германскую филологию.

Но, конечно, это не был «курортный роман» в общепринятом понимании. 18-летняя студентка из провинции и — немолодой и уже очень известный поэт! Правда, к моему стыду, я из его творчества почти ничего не знала. Кроме известной песни на музыку Сергея Никитина: «Что происходит на свете? — А просто зима...» Мы с Левитанским раз или два встретились, а потом писали друг другу... То есть не было никакого романа — просто письма. Он сразу произвел на меня впечатление очень одинокого и очень страдающего от этого человека. И моим первым чувством, которое так и осталось главным в отношении к нему, было желание его оградить, уберечь от чего-то.

— Какой у него был характер?

— Доминирующей чертой была детскость. Нет, не инфантилизм, а именно детскость, ранимость. И еще доверчивость. Встретить человека, очароваться им, а потом — мучительно разочаровываться... Это свойство я очень любила в нем, хотя в жизни, в быту оно причиняло неудобства. Конечно, он был скорее ребенком, чем «хозяином», «мужиком в доме». Но как раз в этом заключалась своеобразная прелесть, от которой невозможно отвыкнуть. Теперь, когда его нет, я бы могла сказать о своем состоянии словами Андрея Платонова: «Некуда жить». Мы настолько жили вдвоем и вместе... И он был для меня тем, ради чего это все вертелось. Для чего, допустим, я работала? Чтобы у нас были деньги. И чтобы он спокойно мог отдавать себя творчеству... А теперь ничего нет, и не стало какого-то стержня в жизни.

— Каким же образом проявлялась эта детскость?

— Ну, например, звонит мне на работу... А он звонил раз по пять в день и очень обижался, когда проходило, допустим, полчаса, а я ни разу ему не позвонила, очень расстраивался, что его, мол, забывают и так далее... Так вот, звонит и говорит: «Знаешь, сейчас кто-то к нам приходил, я дал пять тысяч рублей». Я говорю: «Кому?!» — «Не знаю, ходили, собирали на похороны». Я говорю: «Юра, какие похороны?!» — «Ну вот, умер человек — ходили, собирали деньги. Какой-то, — говорит, — мужчина такого пьяного вида пришел — я и дал». Я говорю: «Юра, зайдут двое, стукнут по голове — зачем ты вообще открываешь дверь?!» — «Ну, они сказали «на похо-

роны», я и открыл...» Или едем в метро. Смотрит на него какая-то женщина. Он меня толкает в бок: смотри, смотри, как она взглянула, все-таки я еще ничего, а? Вообще были какие-то совершенно детские детали, о которых и рассказывать как-то неловко...

— Как он работал?

— Не так, как это представляется людям, далеким от литературного творчества. Принято говорить о вдохновении, и многим это видится так: человек ходит, ходит, и вдруг на него что-то накатывает, он все бросает и сутками напролет трудится.

У Левитанского было по-другому. Он считал, что профессиональный литератор должен каждое утро садиться за стол и писать. Отдавая себе отчет в том, что значительная часть того, что он таким образом создаст, пойдет в корзину. Главное — писать. Вдохновение — вещь, во многом придуменная, а профессионал обязан принуждать себя к ежедневному кропотливому труду.

Юрий Левитанский. Из последней книги

ПРЕДЗИМЬЕ

(Попытка романа)

Я весть о себе не подам,
и ты мне навстречу не выйдешь.
Но дело идет к холодам,
и ты это скоро увидишь.

Былое забвенью предам,
как павших земле предавали.
Но дело идет к холодам,
и это поправишь едва ли.

Уйти к Патриаршим прудам
по желтым аллеям шататься.
Но дело идет к холодам,
и с этим нельзя не считаться.

Я верю грядущим годам,
где все незнакомо и ново.
Но дело идет к холодам,
и нет варианта иного.

Клубные встречи

Есть у него такое стихотворение: «Все стихи однажды уже были. Слоем пепла занесло их, слою пыли. Замело, и постепенно их забыли. Нам восстановить их предстоит. Наше дело в том и состоит, чтоб восстановить за словом слово...» Вот он и считал процесс написания стихов — восстановлением, наподобие того, как восстанавливают, допустим, шумерский язык. Он подбирает слова, вставляет их одно за другим — нет, не так!.. «Примеряешь слово — нет, не так! Господи, да как же это было? И внезапно вспомнишь — было так! И внезапно вздрогнешь — вот как было! Ну конечно, так оно и было, только так и было, только так...»

— И сколько времени у него обычно уходило на работу?

— Не так много, как хотелось бы ему самому. Когда-то мне казалось, что стоит наладить быт — дело сдвинется. Но этого не произошло. Может быть, есть доля истины в утверждении, что для успешного творчества художнику нужны... неудобства? Многие друзья говорили ему: тебе нужно создать невыносимые условия — тогда ты будешь писать потрясающие стихи!

Когда наша жизнь наладилась, когда мы перестали снимать жилье и поселились в собственной двухкомнатной квартире на 11-м этаже, он

— А каких предпочитал авторов?

— Книг в последние годы читал мало. Классики практически не читал. Точнее, не перечитывал, потому что, естественно, все им было когда-то прочитано, обо всем вынесено суждение. Если же говорить о любимых авторах, то прежде всего это был Чехов. А из поэтов-современников — Давид Самойлов, Арсений Тарковский, Владимир Соколов. Ну, разумеется, Мандельштам, Пастернак, конечно же, Пушкин, Блок...

Читал же в основном общественно-политические статьи. Особенно о том, что по сути и погубило его, — о чеченских событиях. После его смерти я обнаружила в столе огромную папку с газетными вырезками о Чечне. Ведь он одним из первых громко, вслух произнес слова осуждения этой преступной войны. Это было в июне прошлого года, когда ему вручали Государственную премию в области литературы. Вручал Президент, и Юрий Давидович прямо ему в лицо — вместо принятых в таких случаях слов благодарности — сказал, что премию вынужден принять, но что как старый солдат, прошедший Великую Отечественную от начала до конца, раненый, умиравший неоднократно, он обязан заявить о том, что чеченская война бесчеловечна, что следует ее немедленно прекратить.

— Вы присутствовали на той встрече в Московской мэрии, когда случилось несчастье?

— Нет, к сожалению. И уж не знаю, предчувствие тут, что ли, — очень не хотела, чтобы он шел на тот вечер. Там была интеллигенция и люди из администрации Президента. Левитанский дважды брал слово, говорил о чеченской войне как о позорнейшей странице в нашей истории и по ходу бросал какие-то реплики, причем, как мне потом рассказали, очень умно, блестяще, четко формулируя мысли, очень эмоционально. И сердце не выдержало.

— Ему стало плохо, и он умер по дороге в больницу?

— Не совсем так. Когда встреча закончилась и народ стал выходить из зала, он вдруг в фойе сел в кресло, и все увидели, что ему плохо. Он хватал ртом воздух, полез за таблетками. Вызвали «скорую» — в мэрии есть эта служба. Потом подъехала машина реанимации, но его нигде не повезли, а прямо там, в машине, — она, говорят, сотрясалась — стали делать электрошок. А потом вышли и сказали, что... все.

Я пришла домой с работы, было семь тридцать вечера, и я еще подумала, что, наверное, он отправился на фуршет, сейчас придет домой слегка навеселе, я его буду журить, что называется... Но он не пришел. Это было 25 января 1996 года.

— А он выпить вообще любил?

— Любил. В разумных, конечно, пределах. Пил только водку — ничего другого не признавал. Мог оценить хорошее вино, хороший коньяк, но пил всегда только водку. Еще очень любил пиво, но почему-то считал, что оно вредно, поэтому пил только водку.

— А как вы жили материально — не нуждались? Ведь поэты в наше время едва ли много зарабатывают.

— Это уж точно. Тем более что Юрий Левитанский никогда не входил в число часто издаваемых поэтов. Раньше, когда нужно было зарабатывать на жизнь, — а у него было трое маленьких детей, неработающая жена, престарелые родители, — он занимался переводами. Он всегда говорил, что в этой стране такая прекрасная школа поэтического перевода по той причине, что Цветаева, Пастернак и другие поэты не могли выпустить собственные книги и вынуждены были заниматься переводами. У него даже было такое и шуточное, и грустное стихотворение: «И мы уходим в переводы, идем в киргизы и в казахи, как под песок уходят воды, как Дон Жуан идет в монахи...»

Что же касается нашей с ним жизни, то работала я — в творческом центре имени Всеволода Мейерхольда, а муж получал пенсию — у него трудовой стаж 49 лет... Но, конечно, мы жили отнюдь не богато.

— К сороковому дню после смерти Левитанского в издательстве «Инфра-М» вышла книга его стихов «Меж двух небес». Как удалось выпустить ее так быстро?

— Этот сборник практически был готов еще при жизни Юрия Давидовича. С помощью прекрасного человека, московского предпринимателя Ильи Андреевича Колерова. Он вообще очень много нам помогал в последний год. В частности, и в те страшные дни, когда... Он одним из первых узнал о несчастье, сам приехал и взял на себя организационные и финансовые заботы...

Что касается книг, то я мечтаю об издании двухтомного собрания сочинений моего мужа.

Встречался Михаил КРУШИНСКИЙ.

На снимке: Юрий Левитанский и Ирина Машковская на отдыхе в Словакии. 1990 год.